

Посвящается
Гуннель, Астрид и Юэну
(и Джесс)

Мой папа умирал дважды. Первый раз — когда ему было тридцать девять, а потом снова — четыре года спустя, когда ему было двенадцать. (Он умрёт и в третий раз, что, пожалуй, чересчур жестоко, но тут ничего не поделаешь.)

Первый раз никак не был связан со мной. Второй же — определённо был, но оказался я там только из-за папиной «машины времени». Я знаю: кажется, будто бы я обвиняю папу, а это вовсе не так, но... вы скоро поймёте, что я имею в виду.

Спроси вы меня раньше, я бы сказал, что машина времени может выглядеть как подводная лодка. Или космическая ракета. В любом случае, это что-то с кучей переключателей, панелей и лампочек из железа или чего-то подобного, и обязательно большое — то есть *действительно* большое — с двигателями, усилителями и реакторами...

Вместо этого я вижу перед собой ноутбук и жестяной садовый таз.

Это — машина времени моего папы.

И она скоро изменит мир — буквально. Ладно, по меньшей мере — мой мир.

ГЛАВА 1

Прямо через дорогу от дома, где мы жили до того, как папа умер (в первый раз), есть переулок с островком газона, кустами и беспорядочно растущими деревьями. Когда я был маленьким, то называл это место «джунглями»: мне казалось, что на джунгли оно и похоже. Теперь я вижу, что это просто участок земли под ещё не построенный дом.

Здесь-то, в кустах, я и сижу глубокой ночью. На голове у меня мотоциклетный шлем, он полностью скрывает лицо, и я жду подходящего момента, чтобы проникнуть в свой бывший дом.

Рядом валяется старая бумажная коробка из-под жареной курицы; до меня доносится неприятный кислый запах — вероятно, от лисьего помёта. Дом стоит тёмный, света нигде не видно. Я смотрю вверх на окно своей бывшей спальни — маленькое окошко над входной дверью.

Днём на Честертон-роуд спокойно — маленькие дома на две семьи из красноватого кирпича вытянуты по ней в длинную дугу. Когда их только построили, домики выглядели одинаково. Но жители постепенно добавляли резные ворота, гаражи и даже — как

старый мистер Фрейзер — раскидистую араукарию¹, а потому теперь каждый дом немного отличается от других.

Сейчас, почти в час ночи, на улице никого нет, а я смотрел достаточно много фильмов и телепрограмм о преступниках и точно знаю, как вести себя, чтобы не вызвать подозрений. Когда вы ведёте себя как обычно, вас никто не замечает. Если бы я нервно ходил туда-сюда по улице и осматривал дома в ожидании удобного момента, меня могли бы заметить и вызвать полицию. С другой стороны, если я просто иду по улице, в этом нет ничего особенного, и я становлюсь для людей невидимкой.

(Не снимать мотоциклетный шлем — авантюра, или «обдуманый риск», пользуясь определением моего дедушки Байрона. Если я его сниму, кто-то может обратить внимание на мой возраст — слишком юный для езды на мопеде; в шлеме же я выгляжу подозрительно. Я пока не определился, но в любом случае надолго в нём не останусь.)

Я всё продумал на пути сюда. Около года назад, когда мы ещё здесь жили, местный муниципалитет отключил каждый второй фонарь на улице. Благодаря этому эксперименту по экономии средств мне удалось

¹ Араукария — вечнозелёное хвойное дерево. Родной араукарии считается остров Норфолк, расположенный в Тихом океане между Новой Зеландией и Австралией. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

оставить мопед в тёмном месте. Так непринуждённо, как это только возможно, я выхожу из кустов, снимаю шлем и кладу его в открытый багажник мопеда. Я поднимаю воротник и, не останавливаясь, перехожу улицу к дому номер сорок. Здесь я быстро миную короткую подъездную дорожку и встаю в тени — меня хорошо скрывают живая изгородь между садиками двух домов и маленькая припаркованная тут же «Шкода».

Пока всё идет хорошо: новые владельцы нашего дома ещё не успели отрегулировать гаражные ворота. Оказывается, они разболтались даже сильнее, чем раньше. Перед воротами лежит удерживающий их кирпич, и когда я приседаю и сдвигаю его, правая створка ворот распахивается и ударяется о «Шкоду». Секунду я с ужасом думаю, что не пройду в такую узкую щель, но всё-таки ухитрюсь протиснуться, и вот я уже в гараже, где пахнет пылью и старым машинным маслом. Луч моего фонарика скользит по стенам, высвечивая ещё не распакованные коробки, и по полу, где тёмные деревянные доски закрывают подвал в центре помещения.

Вот ещё один совет тем, кто планирует куда-то проникнуть: не светите фонариком во все стороны. Мелькающий свет привлекает внимание, в отличие от света неподвижного. Я ставлю свой фонарик на пол и начинаю поднимать промасленные доски.

Под ними открывается бетонная лестница; спустившись по ней, я оказываюсь в комнатке с квадратный

метр и вижу справа металлическую дверь высотой примерно в половину моего роста. А на ней — пыльное стальное колесо-штурвал, какое можно встретить на кораблях. Колесо прочно закреплено болтом с кодовым замком.

Я бы тихонько просвистел «фью» от изумления, но мои губы настолько пересохла от волнения и пыли, что ничего не выходит.

Я набираю на кодовом замке цифры из письма папы — день и месяц моего рождения наоборот, — берусь за штурвал обеими руками и поворачиваю его против часовой стрелки. Штурвал сопротивляется, но все же со скрипом поддаётся: дверь неожиданно открывается внутрь, тихо выпуская воздух.

Я хватаю фонарь и направляю его перед собой, сгибаясь, чтобы пройти в маленькую дверь. За дверью — снова ступени вниз, а на стене справа я нащупываю выключатель, но не решаюсь нажать на него: вдруг сработает сигнализация или что-то ещё, или зажжётся свет в гараже наверху, или... я не знаю что. Мне просто страшно щёлкнуть выключателем, и мой путь освещает только жёлто-белый луч фонаря.

Ступени ведут в комнату в два раза меньше нашей гостиной. Потолок здесь настолько низкий, что не каждый взрослый смог бы распрямиться.

Вдоль длинной стены стоят четыре двухъярусные кровати, они полностью заправлены: одеяла,

подушки, постельное бельё. В закутке за стеной туалета и ещё какой-то механизм с трубами и плангами. На белом бетонном полу лежат коврики, а на стене висит выцветший оранжево-чёрный постер: круглая картинка с мамой, папой и двумя детьми и надпись «Защити и выживи»² большими белыми буквами. Я уже однажды видел этот постер в школе: какой-то человек рассказывал нам о мире и ядерной войне, а Дания Бизевски испугалась и расплакалась, сильно его этим смутив.

Такие бункеры строили много лет назад, когда считали, что Россия собирается сбросить на нас атомную бомбу.

Я оборачиваюсь и вижу в луче фонаря длинный стол со стулом. На столе стоит жестяной таз — в таком вы могли бы, например, искупать собаку. В тазу лежат старый белый ноутбук «Эпл Мак»³ и компьютерная мышка. Ноутбук соединён проводом с чёрной металлической коробкой размером с небольшую книгу, а от неё отходят два метровых шнура со странными рукоятками на концах.

Рядом с тазом на столе стоит кофейная кружка

² «Защити и выживи» (*англ. Protect and Survive*) — информационные материалы по гражданской обороне, которые распространялись правительством Великобритании в конце 1970-х — начале 1980-х гг.

³ «Эпл Мак» (*англ. Apple Mac*) — ноутбук *Macintosh* компании *Apple*.

с моей детской фотографией и надписью «Я люблю своего папочку», покрытая изнутри налётом старой плесени.

Здесь же лежит региональная газета «Вестник Уитли-Бэй»: она сложена вдвое и открыта на статье с фотографией моего папы под заголовком «Трагическая гибель местного жителя».

Я сажусь на крутящийся стул и вожу рукой по нижней поверхности стола, но ничего не могу нащупать. Тогда я встаю на колени и подсвечиваю себе фонариком — вот же он, конверт приклеен под столом, как папа и написал.

Но здесь нет машины времени. Во всяком случае, такой, какую я себе представлял.

И тут я внимательно смотрю на жестяной таз со всем его содержимым.

— Не может быть, — думаю я, — конечно же, это не она?

Но это она.

И знаете, что самое безумное? Она работает.

**НЕДЕЛЕЙ
РАНЬШЕ**

ГЛАВА 2

Вся эта история: проникновение со взломом плюс грабёж, поджог, угон мопеда и что-то вроде убийства, не говоря уже о путешествиях во времени, — началась в мой двенадцатый день рождения. В тот день у меня появился хомяк, а ещё я получил письмо от своего умершего папы.

Точнее (а точность, по словам бабушки Байрона, — это самое важное), всё началось, когда мы с мамой стали жить вместе со Стивом и Карли, Адской Сводной Сестрой. Мы съехались сразу после свадьбы мамы и Стива — самой маленькой свадьбы в мире (там были только мама, Стив, бабушка Байрон, я, АСС и тётя Элли).

Ещё точнее: началось всё тогда, когда умер папа. Но это произошло давно, и я не хочу говорить об этом — во всяком случае, пока.

Итак, двенадцатого мая мы отмечали мой двенадцатый день рождения, то есть мне исполнилось двенадцать двенадцатого. Такое совпадение случается лишь раз в жизни, и некоторым людям приходится ждать до своего тридцать первого дня рождения. Вероятно, тогда это уже не приносит столько радости.